
БЕЗ ПРИНЦИПОВ
Li Si

Li Si
Без принципов

https://litres.ru/75026248

Аннотация

В этом городе правила пишут те, кто сидит в кабинетах на высоких этажах. Такие, как Артем Северский. У него есть власть, статус и безупречная репутация, за которой скрывается ледяной расчет. У меня нет ничего, кроме документов в патрепанном рюкзаке и жгучего желания найти сестру. Говорят, я живу без принципов? Возможно. Но когда мы столкнемся, я покажу ему, что его законы не стоят и бумаги, на которой они написаны. В этой игре не будет победителей. Только те, кто готов зайти дальше остальных.

#от_ненависти_до_любви #сильная_героиня #властный_герой #разница_в_возрасте #тайны_прошлого #острый_сюжет

#поиск_сестры

Содержание

Глава 1. Волчий билет 4
Глава 2. Короткая память 9
Глава 3. Стена 14
Глава 4. Новая жизнь 19
Глава 5. Гром среди неба 26
Глава 6. Лисьи методы 32
Глава 7. Горькая правда 37
Глава 8. Прощание 42
Глава 9. Обрыв 47
Глава 10. Последняя попытка 51
Глава 11. Студенческий голод 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Глава 1. Волчий билет

Я проснулась минут десять назад, но как же не хочется открывать глаза. Пытаюсь угадать по звукам: сегодня среда, а значит, на завтрак в столовке на первом этаже снова будет эта серая субстанция, которую повара гордо называют овсянкой. Вонь пригорелого молока уже просачивается сквозь щель в двери нашего блока, смешиваясь с ароматом хлорки. Стандартный букет «Усадьбы».

Фух. Надо вставать. На раз, два, три…

Это последний раз, когда я вдыхаю этот запах как «своя». Сегодня я выписываюсь. По закону — свободный человек, по факту — бездомная с амбициями королевы.

— Волкова, ты встаешь или ждешь персонального приглашения от директора? — голос Оксанки, моей соседки по комнате, звучит как скрип ржавой петли.

Она уже заправляет кровать — по линеечке, как меня учили все эти чертовы двенадцать лет. Я же просто откидываю одеяло. Хватит с меня режима.

Сажусь на край кровати, разглядывая свои руки. Костяшки на правой руке снова содраны — вчерашний разговор с Димкой из старшей группы прошел «продуктивно». Нечего было лапать Алину.

Мой гардероб на сегодня — это вызов здравому смыслу. Старые узкие джинсы, черная футболка и куртка-косуха

из кожзама, которую я выменяла у одной девчонки за блок украденных сигарет для её парня. На ногах — тяжелые ботинки на платформе. Добавляют мне пять сантиметров роста и уверенности в том, что я могу пробить чью-то голову, если понадобится.

В зеркале на меня смотрит девчонка с острым подбородком и глазами, в которых цинизма больше, чем в кабинете прокурора. Губы кривятся в усмешке. Ну, привет, новая жизнь.

Десять минут спустя я уже стою перед дверью кабинета Тамары Степановны. Стук — чисто символический. Вхожу.

Степановна сидит за столом, обложенная бумагами. Она выглядит как уставший капитан тонущего корабля. Перед ней — та самая серая папка, мой «волчий билет».

— Садись, Волкова, — она не смотрит на меня, быстро подписывая какой-то бланк. — Вещи собрала?

— Весь мой скарб уместился в один рюкзак, Степановна. Накоплений на яхту пока не хватило, — я падаю на стул, картинно развалившись. — Квартира готова? Где ключи? Надеюсь, вид на набережную?

Директриса наконец поднимает взгляд. Сухой, тяжелый, без тени юмора.

— Квартиры не будет, Радмила. По крайней мере, сейчас. В очереди ты — четыреста пятьдесят восьмая. Администрация города прислала отказ по твоему запросу на внеочередное получение. Свободного жилого фонда нет. Поэтому хва-

тит ее ждать.

Внутри что-то щелкает. Я знала. Я знала, что так будет, но надежда — та еще дрянь, умирает последней.

— И куда мне? На теплотрассу? Или сразу в администрацию под дверь лечь? По закону вы обязаны предоставить жилье в день выпуска. Либо разрешить остаться мне тут до момента пока я полностью не устроюсь.

— По закону — да. В реальности — иди в социальную гостиницу при колледже. Койко-место тебе как сироте выделят. Иди учиться, Волкова. Ты уже два месяца как совершеннолетняя. У меня тут и так места мало. А у тебя неплохие мозги, хоть и повернуты не в ту сторону.

— Мозги у меня повернуты в сторону выживания, — я резко встаю, хватая папку со стола. Кожа папки холодная и шершавая. — Алина?

— С сестрой попрощайся. У тебя полчаса.

Я выхожу из кабинета, едва не сорвав дверь с петель. Ярость обжигает горло. Четыреста пятьдесят восьмая. Чиновники в своих креслах просто стерли меня ластиком. Ну что ж, я напомню о себе. Я не Оксанка, я не буду плакать в подушку.

Иду в сторону библиотеки. Алина всегда там в это время — подальше от шумных коридоров и глупых игр.

Ей двенадцать. Она сидит за дальним столом, уткнувшись в какой-то толстый том по истории искусств. Её светлые волосы собраны в тугой хвост — я сама вчера его затягивала.

— Мелкая, — я сажусь напротив.

Она вскидывает голову, и в её больших глазах мгновенно вспыхивает тревога. Она считывает меня за секунду.

— Ты уходишь?

— Ухожу в разведку, — я пытаюсь улыбнуться, но получается криво. — Разнюхаю, где там в Светлоярске самые мягкие диваны и вкусные булочки.

— Степановна сказала, что тебя не будет в списке на квартиру, — тихо говорит она, закрывая книгу. — Я слышала, как она ругалась по телефону.

— Плевать мне на их списки, — я протягиваю руку и легонько щелкаю её по носу. — Я сама составлю список. И мы в нем будем первыми. Слушай меня: я устроюсь. Не знаю как, но устроюсь. А ты сиди тихо, учи свои картинки и не вздумай давать спуска этой мегере из второго блока.

— Обещаешь, что заберешь? — в голосе Алины ни капли детской наивности. Она выросла здесь, она знает цену обещаниям.

— Обещаю. Даже если мне придется ради этого ограбить мэра, — я подмигиваю ей, вставая.

В полдень я выхожу за ворота «Усадьбы». За спиной — рюкзак, в кармане — подъемные, которых хватит на неделю скромной жизни, а в голове — четкий план.

Сентябрьский Светлоярск сегодня на редкость паршивый.

Небо затянуто мутной пеленой, похожей на застиранную казенную простыню, а ветер так и норовит залезть под куртку, напоминая, что теплые дни закончились вместе с моим детством. Если оно вообще было.

«Четыреста пятьдесят восьмая, говорите?» — я поправляю лямку рюкзака и ускоряю шаг.

Глава 2. Короткая память

Мои ботинки — тяжелые, на кондовой подошве, купленные на «барахолке» за три копейки, — гулко вгрызаются в свежий асфальт. Каждый шаг отдается в позвоночнике, вытряхивая из головы обрывки того, что в личном деле называется «анамнезом».

Я иду мимо нарядных витрин, где манекены в кашемировых пальто смотрят на меня с высокомерным безразличием, и чувствую себя призраком.

Моя память — штука избирательная. Она не хранит колыбельных, зато помнит детали, от которых нормальных людей передергивает. Мне было шесть. Я помню серый свет, пробивавшийся сквозь немытое окно нашей однушки на окраине. Мамы не было уже два дня. В квартире стояла такая тишина, что было слышно, как шуршат тараканы под обоями. Алина, тогда еще совсем крошечный комок в грязных пеленках, уже даже не плакала — у неё просто не было сил. Она только тихо попискивала, похожая на замерзающего котенка.

Когда дверь вынесли люди в форме, я не обрадовалась. Я испугалась до икоты. Помню, как вцепилась в край коляски, пытаясь закрыть сестру своим телом. Во рту было сухо, в голове билась одна мысль: «Мама просто ушла за хлебом. Если они нас заберут, она нас не найдет». Тетка из опеки, пахнущая резкими духами и дешевой помадой, пыталась оторвать

мои пальцы от ручки коляски. Она что-то сюсюкала, но глаза у неё были как у дохлой рыбы. Холодные.

— Пойдем, деточка, там будет тепло и кашка, — врала она, не моргая.

Мама так и не нашлась. Нас «прокачали» через распределители и в итоге выплюнули в Светлоярск, в образцово-показательную «Усадьбу». Фамилию Волкова нам впаяли в тот же день. Дежурный врач Волков просто не захотел усложнять себе жизнь поисками наших корней. Так мы и стали Волкова Радмила и Волкова Алина. Ничьи. Государственные.

Двенадцать лет я росла в этих стенах. Светлоярск — город жирный, нефтяной, поэтому наш маленький детдом спонсоры облизывали со всех сторон. У нас были пластиковые окна, которые не пропускали сквозняк, но и воздух свободы тоже. У нас была новая мебель, но спать на ней было так же жестко, как и на старой.

Я быстро поняла: здесь ты либо кусаешь, либо тебя грызут. Мой рост замер на отметке в сто пятьдесят восемь сантиметров. Недокормыш. Мелкая, угловатая, с острыми ключицами и вечно сбитыми костяшками пальцев. Но эти сто пятьдесят восемь сантиметров были спрессованы из ярости и желания выжить. В детдоме маленьких любят травить — они вроде как легкая добыча. Я быстро разубедила в этом местную фауну. В первой же драке за порцию добавки для Алины я вцепилась зубами в ухо местному заправиле. Он орал так, что прибежали охранники, а я висела на нем, пока

не почувствовала вкус крови. С тех пор ко мне не лезли. Называли «Бешеной лисой» и обходили стороной.

Школа была отдельным кругом ада. Нас возили туда на желтом автобусе, как прокаженных. Домашние детки в чистых кроссовках и с айфонами смотрели на нас с такой брезгливостью, будто мы были разносчиками чумы. Учителя не отставали.

— Волкова, ну какие тебе юридические курсы? — говорила мне завуч, глядя поверх очков.

Я смотрела на её идеально уложенную халу на голове и представляла, как эта хала горит. И молчала. Я училась врать так, что мне верили даже детекторы лжи в лице Тамары Степановны.

Степановна... единственная женщина, которую я уважала. Грубая, прокуренная, с голосом, от которого вяли комнатные растения. Она не жалела нас. Она готовила нас к бойне. И не смотря на все это пыталась создать уют в нашем "доме", насколько это позволял бюджет. Она создала для нас семью, которой у нас не было.

— Жизнь — это не сказка про Золушку, Волкова, — говорила она мне, когда я в очередной раз попадалась на краже сигарет из её заначки. — Ты никому не нужна. Твое тело, твои мозги и твоя злость — это всё, что у тебя есть. Используй это, иначе сдохнешь под первым же забором.

Я использовала. Я научилась видеть людей насквозь. Ви-

деть их слабости, их жадность, их страхи. Я стала общительной, язвительной, хитрой. Я могла достать что угодно — от лишней пачки чипсов до ответов на контрольную. Принципы? Они мешают двигаться. Они как гири на ногах. У меня не было принципов, у меня была Алина. Мой единственный якорь в этом мутном океане.

Я помню одну зиму. Мне было пятнадцать. Морозы в Светлоярске стояли такие, что, казалось, птицы на лету падали. В нашем блоке прорвало трубу, и нас переселили в актовый зал. Алина тогда сильно заболела, кашляла так, что казалось — легкие выплюнет. Лекарств в медпункте, как всегда, «не было для профилактики». Нужно было идти в аптеку в город, а нас заперли на карантин.

Я не думала. Я просто вышла в окно второго этажа. Спрыгнула в сугроб, обдирая руки о ледяную корку. Бежала по ночному городу в одной тонкой куртке, задыхаясь от холода. Денег не было — я просто зашла в круглосуточную аптеку и, когда провизор отвернулась, смахнула с витрины первый попавшийся сироп от кашля и упаковку со словом "антибиотики".

Меня поймали на обратном пути у забора. Охранник долго бил меня по лицу, пока я не выронила заветные коробочки.

— Тварь малолетняя, — шипел он, вминая мое лицо в снег. — Воровка.

В ту ночь меня заперли в изоляторе. Холодном, пустом, пахнущем плесенью. Я сидела на ледяном полу, вытирая кровь с губ, и думала только об одном: я не воровка. Я просто делаю то, что должна. И если этот мир хочет, чтобы я играла по правилам, пусть сначала обеспечит мне равные шансы.

Сейчас, шагая по Светлоярску, я чувствую ту же самую холодную решимость. Двенадцать лет меня учили выживать в неволе. Теперь я на свободе. И я очень голодна.

Глава 3. Стена

Я стою перед окошком в Центре социальной защиты и стараюсь не дышать слишком глубоко. Здесь пахнет старой бумагой, дешевым хлорированным моющим средством и безнадегой — коктейль, знакомый мне до изжоги. В руках я сжимаю свою серую папку так, будто это щит.

— Волкова Радмила Игоревна. Выпускница «Усадьбы», — чеканю я, выкладывая документы на узкую деревянную стойку. — Пришла оформить пособие и подтвердить право на внеочередное получение жилья. Согласно 159-му Федеральному закону, статья восьмая. Я подготовила все справки.

Тетка за стеклом — классический образец «человека-бюрократа» с начесом, зацементированным лаком, и очками на цепочке — лениво переводит на меня взгляд. Она листает мои бумаги с таким видом, будто изучает меню в столовой, где всё уже закончилось.

— Начитанная какая, смотри-ка, — кривится она, поправляя очки. — Пособие оформим. Подашь реквизиты карты, через неделю придут. По квартире... — Она затихает, клацая по клавишам старой, пожелтевшей клавиатуры. — Да, в реестре ты есть. Номер очереди — четыреста пятьдесят восемь.

— И когда? — я подаюсь вперед, вглядываясь в пыльный монитор. — В законе сказано «вне очереди».

— «Вне очереди» у нас еще триста человек, — она хлопает папкой, закрывая её. — Реальность такая, Волкова: город выделяет десять-пятнадцать квартир в год. Сейчас получают те, кто встал в очередь, когда ты еще в куклы играла. Лет через восемь-десять, может, что и выгорит. Если фонд не урежут.

Внутри что-то обрывается, но я только криво усмехаюсь. Десять лет. Они хотят, чтобы я десять лет жила в режиме ожидания?

— Есть варианты? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Вариант один: поступай учиться. Льготная квота для сирот, общежитие на пять лет. Хоть крыша над головой будет. А там, глядишь, и очередь доползет.

Я забираю папку. Руки холодные, в животе пусто. На пособие в пару тысяч можно только красиво протянуть ноги, а не строить светлое будущее.

«Хочешь квартиру быстрее — иди в Мэрию», — всплывает в голове голос Степановны. — «Скребись им под двери. Заммэра по социалке и распределению фондов — вот твой бог и дьявол в одном флаконе. Будь занозой, Радка, если хочешь результата».

Я выхожу на улицу. Солнце слепит, асфальт кажется раскаленным, хотя ветер уже по-осеннему кусачий. Администрация города — монументальный кусок серого гранита — возвышается в конце проспекта.

Через двадцать минут я уже топчусь у массивных дубовых дверей. Это вам не соцзащита. Здесь на входе — рамка металлоискателя и двое охранников в черной форме с лицами, высеченными из бетона.

— К кому? — рявкает один, преграждая путь.

— В жилищный отдел. У меня вопрос по льготной очереди, — я стараюсь выглядеть уверенно, хотя в своей старой куртке из кожзама и тяжелых ботинках чувствую себя здесь как плесень на дорогом сыре.

— Жилищный отдел в левом крыле, вход с торца. Здесь только аппарат мэрии, — он оглядывает меня с ног до головы, и в его взгляде я читаю всё: «не наш уровень», «проходи мимо», «не мозоль глаза».

В этот момент двери за моей спиной распахиваются. В холл врывается поток прохладного воздуха и запах, который я не спутаю ни с чем — аромат больших денег и абсолютной власти. Тяжелый, кожаный, с нотками какого-то дорогого дерева.

Охранники мгновенно выпрямляются, будто им в спины вставили по стальному штырю.

К лифтам идет группа людей. В центре — Мужчина. Он высокий, широкоплечий, в темно-синем костюме, который сидит на нем так идеально, что кажется продолжением его кожи. Квадратная челюсть сжата, взгляд устремлен вперед. Он не идет, он чеканит шаг, не произнося ни слова. За ним семенят помощники, боясь нарушить эту ледяную тишину.

Он проходит в метре от меня. В какой-то момент его голова медленно поворачивается. Его взгляд — темно-карий, сухой и колючий — скользит по холлу и замирает на мне.

Я застываю. Время будто густеет. Он задерживает на мне взгляд всего на секунду, но мне кажется, что меня пропустили через рентген. Он осматривает мою оборванную куртку, мои пыльные ботинки, мой дешевый рюкзак. Его губы не шевелятся, но я отчетливо вижу в его глазах брезгливость. Так смотрят на досадное грязное пятно на новеньком белом ковре. Ни сочувствия, ни интереса. Только холодное пренебрежение высшего существа к пыли под ногами.

Двери лифта смыкаются, отрезая его от нас.

Я выдыхаю. Сердце колотится в горле, ладони сжаты в кулаки так, что ногти впиваются в кожу.

— А... это кто такой?

Охранник хмыкает, провожая взглядом светящееся табло лифта.

— Это Северский Артем Данилович. Первый зам.

Северский. Значит, это ты, Артем Данилович, сидишь на верхушке этой пищевой цепочки? Это ты подписываешь мои отказы?

Внутри меня что-то перегорает. Страх сменяется едкой, чистой яростью. Его брезгливый взгляд всё еще жжет мне кожу. «За людей не считает?»

Я разворачиваюсь и иду в сторону приемной, которая на-

ходится за углом. Там всё попроще: узкое окно, очередь из таких же «пятен» и замученная девица за стеклом.

— На прием к Северскому? — она смотрит на меня как на сумасшедшую. — Девушка, вы в своем уме? К Артему Даниловичу запись на полгода вперед. И точно не по вопросам пособий. Идите в тридцать четвертый кабинет, там младший специалист принимает по сиротам. Через месяц, по записи.

— Мне нужно сейчас, — упрямо говорю я.

— Всем нужно сейчас. Свободны, не загораживайте проход.

Я выхожу на крыльцо Мэрии. Ветер бьет в лицо, развевая волосы. Я стою у этой гранитной стены и понимаю: пробить её лбом не получится. Здесь нужны другие инструменты. Отмычки. Хитрость. И полное отсутствие тормозов.

«Ну что ж, Артем Данилович», — я сплевываю на асфальт и поправляю рюкзак. — «У стен тоже бывают трещины. И я их найду».

Глава 4. Новая жизнь

Социальная гостиница — это звучит гордо, почти как пятизвездочный отель, если вычеркнуть из названия «социальная» и добавить здравый смысл. На деле это облезлое четырехэтажное здание на окраине Светлоярска, где стены пропитаны запахом дешевого табака, хлорки и старого супа.

Я проснулась в шесть утра от того, что в коридоре кто-то громко выяснял отношения, перемежая речь конструкциями, от которых даже у нас в «Усадьбе» покраснели бы стены. Мой «номер» — комната на шестерых. Пять коек заняты такими же, как я: девчонки с потерянными глазами и гонором выше Эвереста. Моя кровать — у окна, из которого нещадно дует. Подушка пахнет чужой жизнью, а матрас помнит еще съезды КПСС.

Жуткая вонь. Ленка с соседней койки спалила свою овсянку на общей плите в конце коридора. Мы с ней "подружились" с первого взгляда.

— Лен, тебя научить не превращать еду в угли? — кричу я, натягивая джинсы.

— Иди к черту, Волкова! — доносится из коридора.

Это всё равно лучше, чем жить без гроша в кармане в детском доме, утешаю я себя, глядя в мутное зеркало над общим

умывальником. Лицо бледное, глаза горят — режим выживания включен на полную мощность.

Мой первый полноценный день на «свободе» начался с планирования. В кармане осталось чуть меньше семи тысяч — подъемные, которые Тамара Степановна выдала на прощание. На эти деньги в Светлоярске можно либо три дня шиковать, поедая шаурму, либо месяц медленно умирать от голода.

К полудню я уже стояла у ворот «Усадьбы». Теперь я здесь — «постороннее лицо». Чтобы войти, пришлось полчаса уламывать охранника дядю Мишу, пообещав ему купить бутылку дешевого коньяка с первой зарплаты.

— Рада! — Алина вылетела мне навстречу, как маленькое светлое торнадо.

Я подхватила её, чувствуя, какая она худенькая. Двенадцать лет — возраст, когда девчонки начинают превращаться в лебедей, но моя сестра всё еще выглядела как гадкий утенок: бледная кожа, огромные доверчивые глаза и копна волос, которые вечно путаются. На ней была детдомовская серая кофта, которая была ей великовата.

— Ну, тише, малявка, раздавишь, — я поставила её на землю, поправляя ей воротник.

Мы сели на старую скамейку за актовым залом. Здесь нас никто не видел. Алина вцепилась в мою руку своими тонкими пальцами, будто боялась, что я растворюсь в воздухе.

— Рассказывай, — её голос дрожал от нетерпения. — Где

ты живешь? Там красиво? У нас уже есть комната?

Внутри меня что-то болезненно сжалось. Я посмотрела на свои содранные костяшки. Как сказать двенадцатилетнему ребенку, что её сестра живет в притоне для выпускников, а в очереди на квартиру она — четыреста пятьдесят восьмая?

— Живу в центре, — соврала я, не моргнув и глазом. — Гостиница, все дела. Вид на город — закачаешься. Комнату пока выбираю, хочу, чтобы у тебя были окна на юг, ты же любишь солнце.

— Правда? — Алина просияла. Её лицо мгновенно преобразилось, щеки чуть розовели. — А когда ты меня заберешь? Тамара Степановна сказала, что нужно ждать официальных бумаг...

— Степановна любит бюрократию больше, чем своих детей, которых у неё нет, — я усмехнулась, легонько щелкнув сестру по носу. — Слушай меня внимательно, мелкая. Я сейчас решаю вопросы с Администрацией. Там всё серьезно, большие люди, костюмы, важные папки. Видела одного такого... Северский его фамилия. Грозный тип, но мы с ним договоримся.

Я вспомнила тот брезгливый взгляд в холле Мэрии. Как он скользнул по мне, будто по куче мусора. Ярость снова поднялась к горлу, но я придушила её. Алине не нужно знать про ненависть. Ей нужно знать про надежду.

— Рада, ты только не делай ничего опасного, — Алина вдруг стала серьезной, её глаза наполнились недетской тре-

вогой. — Я видела, как ты на парней из старшей группы смотрела вчера. Не надо. Я могу подождать. Главное, что ты на свободе.

— Опасность — это моё второе имя, ты же знаешь, — я постаралась придать голосу уверенности. — Всё будет тип-топ. Я найду работу. Хорошую. Юристом или типа того, я же учебники не зря грызла. Буду ходить в строгом костюме, носить туфли на каблуках... представь меня на шпильках?

Алина прыснула, представив мою кошачью походку в неудобной обуви.

— Тебе больше идут кроссовки, Рад.

— Вот и я о чем. Ладно, мне пора. Нужно еще пару «сделок» провернуть.

Я обняла её, вдыхая запах детского мыла и казенного порошка. Отпускать было физически больно. Уходя, я чувствовала её взгляд на своей спине. Она верила мне. Каждому моему лживому слову. И это было хуже любой пытки.

Выйдя за ворота, я поняла: семь тысяч не превратятся в миллион сами по себе. Пора включать «Лису» на полную громкость.

Вечер застал меня в районе старых гаражей за рынком. Здесь находился подпольный «клуб» — по сути, подвал, где местные таксисты, мелкие барыги и просто неудачники играли в карты. Я знала это место — иногда бегала сюда из «Усадьбы», чтобы выменять краденые сигареты на наличку.

В подвале было накурено так, что хоть топор вешай. За столом сидели трое. Один — хмурый тип с татуировкой «СЭВ» на пальцах, второй — толстяк в потной майке, и третий — Сёпа, мелкий жулик, который вечно терся у детдома.

— О, Волкова! — Сёпа оскалился в желтой улыбке. — Ты что, на вольные хлеба вышла? Заходи, садись. Тут как раз не хватает свежей крови.

— Свежая кровь может оказаться несварением желудка, Сёпа, — я присела на край свободного стула, не снимая куртки. — Что на кону?

— По соточке вход, — хмыкнул татуированный. — Ты, малявка, сотки-то в руках держала?

— Я их не только держала, я их размножала, — я выложила на стол две купюры по пятьдесят, которые приберегла специально для этого случая. — Раздавай.

Игра пошла. Мой метод был прост: я казалась азартной дурочкой. Смеялась, язвила, делала глупые ставки и якобы случайно роняла карты. Мужики расслабились. Они видели перед собой «детдомовскую оборванку», которую легко обчистить. Они не знали, что я умею считать колоду с точностью до одной карты и вижу их блеф по тому, как дергается жилка на шее у толстяка.

Через два часа на столе перед ними было пусто, а мой карман оттягивала пачка помятых купюр. Около трех тысяч. Мой нелегальный заработок. Эти мужики завтра всё равно пропили бы эти деньги, а мне на них нужно купить Алине

витамины и задобрить коменданта в гостинице.

— Слышь, коза... ты как это... — татуированный начал подниматься, его лицо пошло красными пятнами.

— Я просто удачливая, — я уже стояла у двери, держа руку на рукоятке старого складного ножа в кармане. — Удача любит смелых, не знали? Пока, мальчики. Не скучайте.

Я выскочила на улицу, чувствуя, как адреналин бьет в виски. Сердце колотилось, в голове шумело. Я сделала это. Я украла у воров.

До общаги я добиралась пешком — экономила на маршрутке. Ночной Светлоярск был красив и страшен одновременно. Высотки светились огнями, отражаясь в лужах.

Вернувшись в комнату, я застала Ленку, которая рыдала в подушку.

— Что на этот раз? — спросила я, скидывая ботинки.

— Комендант... сказал, если до завтра не заплачу за «доп услуги», выставит за дверь, — всхлипнула она.

Я посмотрела на свои выигранные деньги. Грязные, пахнущие табаком купюры.

«Не будь дурой, Рада, — шептал внутренний голос. — Тебе самой мало».

Но я вспомнила лицо Алины. И то, как я обещала ей стать

человеком.

Я отсчитала пятьсот рублей и бросила их на кровать Ленки.

— Заткнись и спи. Завтра отдашь. Натурой. Полы в блоке за меня вымоешь.

Ленка уставилась на деньги, потом на меня. В её глазах промелькнула искра благодарности, но я уже отвернулась. Мне не нужны были её «спасибо». Мне нужно было выжить.

Я легла на свою жесткую кровать, не раздеваясь — в комнате было жутко холодно. Закрыла глаза, и передо мной снова возник образ Северского. Его идеальный костюм, его презрительный взгляд.

Сон пришел мгновенно — тяжелый, без сновидений. Мой первый день на свободе закончился. Я засыпала с ощущением, что я — Лиса, которая только что нащупала след.

Глава 5. Гром среди неба

Я проснулась за пять минут до будильника от того, что по моей руке кто-то пробежал. Резко дернулась, едва не снеся локтем стакан с водой на тумбочке. Таракан. Огромный, рыжий, холеный — настоящий хозяин этого гадюшника, в отличие от нас.

В комнате «социальной гостиницы» стоял такой тяжелый дух, что его можно было нарезать ломтями. Смесь немытых тел, дешевых сигарет и затхлого белья. На соседней койке Ленка сопела так, будто разгружала вагоны, а из коридора доносился привычный утренний аккорд: грохот выбиваемой двери в общий туалет и отборный мат.

Я сползла с кровати. Пол ледяной, линолеум местами протерся до самых досок, которые противно скрипели, выдавая каждое моё движение. В общем душе, куда я пробралась в надежде на горячую воду, меня ждал сюрприз: ледяная струя и слой склизкой плесени на плитке.

— Твою мать... — прошипела я, быстро споласкивая лицо.

Зеркало над раковиной было в трещинах, превращая моё лицо в ломаный пазл. Острые скулы, синяки под глазами от недосыпа и этот взгляд — затравленный, но злой. Это всё, что у меня осталось.

К восьми утра я уже вползла в магазин «У дома», мое но-

вое место легального заработка. Надо же с чего-то начинать. Тетя Люба, хозяйка этой лавки древностей и просрочки, уже ждала меня у входа, подпирая косяк своими необъятными боками.

— Опаздываешь, Волкова? На три минуты! — взвизгнула она, тыча пальцем в сторону склада. — Иди принимай товар. Молочка приехала. Если хоть один пакет лопнет — вычту из зарплаты двойную стоимость.

Склад магазина — это темная нора, забитая ящиками и пахнущая гнилой капустой. Я таскала тяжелые пластиковые поддоны с молоком, чувствуя, как мышцы спины натягиваются до предела. Каждый шаг отдавался тупой болью в пояснице.

Днем зашел один из местных «постоянных клиентов» — дядя Вася, от которого за версту несло перегаром. Он долго копался в мелочи, пытаясь наскрести на чекушку.

— Слышь, малая... добавь пятачок, а? — прохрипел он, глядя на меня мутными глазами.

— Дядь Вась, я тебе не благотворительный фонд, — отрезала я.

Когда он ушел, я заметила, что на прилавке осталась лежать купюра, которую он выронил вместе с мелочью. Моя рука накрыла ее быстрее, чем мозг успел сообразить. На эти сто рублей я куплю себе пачку нормального печенья.

В обед зазвонил телефон.

— После смены ко мне. Это касается Алины, — голос Тамары Степановны был сухим, как старый пергамент.

Весь остаток дня я была как на иголках. Руки дрожали, я дважды обсчитала покупателей (конечно, в свою пользу), но радости это не принесло. Предчувствие беды липло к коже, как мокрая рубашка.

В кабинете Степановны было темно, горела только настольная лампа. Директриса курила, и дым кольцами поднимался к потолку, затягивая комнату туманом.

— Садись, Рада, — она кивнула на стул. Перед ней лежала синяя папка. — Нашлась семья. Сафоновы. Они подали документы на удочерение Алины.

Я почувствовала, как в груди что-то лопнуло. Со звонким, противным звуком.

— Удочерение? — я вцепилась пальцами в край стола. — Ей двенадцать! Я её сестра, я единственный законный представитель после совершеннолетия!

— Ты — никто, — жестоко припечатала Степановна, выпуская струю дыма. — Ты вчерашняя детдомовка без жилья и нормальной работы. А Сафоновы — это полноценная семья. Они обеспечат ей всё. Опека уже дала «зеленый свет». Через месяц суд. Если ты попробуешь вставлять палки в колеса, они тебя просто раздавят.

— Я не отдам её! — я вскочила, чувствуя, как к глазам подступают злые, горячие слезы. — Я найду квартиру, я най-

ду другую работу!

— Сядь! — гаркнула директриса так, что я невольно подчинилась. — Хватит сказок. Алина уже в курсе. Иди к ней.

Я не шла — я бежала к корпусу. В голове стучало: «Только не это. Только не сейчас».

Алина была в нашей комнате. Она сидела на кровати, и на полу перед ней лежал огромный, вызывающе розовый медведь. Рядом — коробка дорогих конфет.

— Рада... — она подняла на меня глаза, и в них не было радости. Только страх и какая-то колючая обида.

— Алина, слушай меня... — начала я, задыхаясь. — Это ошибка. Я всё решу. Эти люди, они...

— Какие люди, Рада? — вдруг закричала она, вскакивая. — Те, которые обещали мне комнату с окнами в сад? Те, которые не живут в общаге и не приходят ко мне в грязных ботинках?!

Я замерла, как от удара под дых.

— Ты... ты хочешь к ним?

— Я хочу домой! — Алина сорвалась на истерику, она схватила этого медведя и швырнула его в меня. Игрушка больно ударила меня по лицу. — А дома нет! Ты обещала, что мы будем вместе! Ты обещала, что заберешь меня через неделю! Прошло две, Рада! Две! Ты бросила меня здесь!

— Я не бросила! — я схватила её за плечи, пытаясь встряхнуть, но она вырывалась, колотя меня кулачками по

груди. — Я работаю! Я сплю в клоповнике, чтобы накопить нам на жизнь!

— Ты врешь! Все врут! — она плакала навзрыд, захлебываясь слезами. — Степановна сказала, что ты никогда не получишь квартиру. Уходи! Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Она забилась в угол кровати, закрыв голову руками. Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как внутри меня всё превращается в пепел. Моя маленькая, тихая Алина... она сломалась. Система доконала её раньше, чем я успела что-то сделать.

— Послушай... — я сделала шаг к ней.

— Уходи! — взвизгнула она, не поднимая головы. — Иди в свою общагу! Оставь меня!

Я вышла из комнаты, шатаясь, как пьяная. В коридоре на меня смотрели другие дети — с любопытством, со злорадством. Я не видела их.

Светлоярск встретил меня ледяным дождем. Я шла по улице, и вода заливалась за шиворот, смешиваясь со слезами, которые я наконец позволила себе выпустить.

Маленькая зарплата. Мизерное пособие. Тараканы в общаге. Брезгливый взгляд Северского в холле Мэрии. И Алина, которая теперь меня ненавидит.

Я остановилась посреди тротуара, задирая голову к темному небу.

«Хорошо», — подумала я, оскалившись в пустоту. —

«Хотите забрать у меня единственное, ради чего я дышу?».

Я знала, что завтра снова пойду в магазин, снова буду красть мелочь из кассы и таскать ящики. Но теперь у меня была цель. Если Артем Северский — тот, кто может всё изменить, я найду способ заставить его это сделать. Даже если мне придется сжечь все мосты до основания.

В ту ночь в общаге я не спала. Я смотрела в потолок, слушая, как Ленка ворочается во сне, и планировала.

Глава 6. Лисьи методы

В коридорах детдома после отбоя всегда стоит тишина, от которой звенит в ушах. Она не мирная — она давящая, пропитанная страхом тех, кто боится темноты, и планами тех, кто в ней живет. Я прижимаюсь спиной к холодной стене рядом с административным крылом, стараясь не дышать. Сердце колотится где-то в районе горла, выбивая бешеный ритм.

Мне нужно знать, кто они. Сафоновы. Где живут, на чем ездят, где прячут свою «доброту». Если я найду их адрес, я смогу... что? Прийти и угрожать? Нет, я просто должна знать врага в лицо. Без этого знания я задыхаюсь.

Дядя Миша, ночной охранник, сейчас в другом конце здания — я сама видела, как он побрел в каптерку пить чай. У меня есть ровно десять минут, пока он не начнет обход.

В руках у меня — «универсальный ключ», который я выменяла у пацанов-выпускников еще полгода назад. Простая стальная отмычка, с которой я тренировалась на замках в подвале. Замок в кабинете Тамары Степановны старый, капризный.

Щелк.

Звук кажется мне пушечным выстрелом. Я замираю, вслушиваясь в пустоту. Тишина. Проскальзываю внутрь, плотно прикрывая дверь. В кабинете пахнет застоявшимся табаком и тяжелым парфюмом директрисы.

Я не включаю свет. Пользуюсь фонариком на телефоне, зажав его в зубах. Луч света мечется по шкафам с папками. «Личные дела. Группа Б», «Отчеты», «Усыновление». Вот она. Синяя папка с фамилией Сафоновы.

Пальцы дрожат, когда я раскрываю её. Сафонов Игорь Викторович, Сафонова Елена Сергеевна... Фотографии. На них — холеная пара, улыбающаяся так приторно, что зубы сводит. У них есть всё: бассейн, две машины, сад. Так, адрес...

И тут свет в кабинете вспыхивает, ослепляя меня.

— Доигралась, Волкова? — голос Тамары Степановны звучит буднично, без крика, и от этого мне становится по-настоящему страшно.

Она стоит в дверях, завернутая в свой неизменный серый кардиган. В руке — чашка кофе, от которой идет пар. Она не выглядит удивленной.

— Я... я просто хотела посмотреть, — я выпрямляюсь, не выпуская папку из рук. — Вы не имеете права скрывать от меня правду!

Степановна проходит к своему столу, отодвигает меня плечом и садится. Она медленно делает глоток кофе, глядя на меня своим тяжелым, пронизывающим взглядом.

— Сядь, Лиса, — тихо говорит она. — В ногах правды нет, а в твоей голове сейчас — один мусор.

Я падаю на стул напротив. Внутри всё дрожит от адреналина и обиды.

— Зачем вы это делаете? Зачем отдаете её им? Разве вас не смущает то, что удочеряют такого взрослого ребенка... тут явно что-то нечисто!

— А теперь слушай меня внимательно, Радмила, — Степановна ставит чашку и подается вперед. Её лицо в свете лампы кажется высеченным из камня. — Взрослого ребенка под опеку то берут редко, а усыновляют и того реже, тут ты права. Но поэтому упускать такой шанс верх глупости! Включи голову! Ты сейчас — никто. У тебя работа в гнилом ларьке за копейки, койка в общаге с клопами и никакой перспективы на квартиру в ближайшие десять лет. Ты даже себя прокормить не можешь, вон — скулы торчат, как у скелета.

— Я справлюсь! — выкрикиваю я.

— Не справишься! Смотри на мир реалистичнее! — Она ударяет ладонью по столу. — А теперь про Алину. Ты думала, как ей здесь без тебя? Пока ты была рядом, её боялись трогать. А сейчас? Танька из третьего блока вчера отобрала у неё еду. Димка «косой» пообещал ей «веселую жизнь», когда воспитатели уйдут. Я не могу ее ходить охранять весь день. Алина мягкая девочка, Рада.

Я замираю. Горло перехватывает спазмом. Алина... она мне ничего не сказала. Мою маленькую сестренку обижают, этого стоило ожидать, но почему Степановна не вмешивается? Она ведь в силах прекратить это.

— Она плачет каждую ночь, — продолжает Степановна,

и её голос становится мягче, но от этого еще больнее. — Она слабая. Она не ты. Она не умеет кусаться. А Сафоновы... они дадут ей безопасность. Настоящую. Еду, которую не отберут. Комнату, где её никто не ударит. Врачей, которые вылечат её анемию.

— Она меня ненавидит, — шепчу я, глядя в пол. — Она сказала, что я её бросила.

— Она злится, потому что ей больно. Ей всего двенадцать. Но это пройдет. А вот то, что её здесь сломают — не пройдет никогда. Посмотри на ситуацию в лоб, Волкова. Ты хочешь, чтобы она мучилась здесь, пока ты будешь «вставать на ноги» годами? Или хочешь, чтобы она жила в тепле, пока ты действительно чего-то не добьешься?

Я смотрю на синюю папку. Фотографии Сафоновых больше не кажутся мне враждебными. Они кажутся... выходом. Моим единственным шансом спасти её от этого места.

— Это не навсегда, — Степановна протягивает руку и накрывает мою ладонь своей. Её рука сухая и теплая. — Ты вырастешь. Ты станешь сильной. И тогда ты сможешь её найти. Но сейчас — отпусти её. Дай ей выжить.

Отчаяние накрывает меня с головой. Оно тяжелое, липкое, как болотная жижа. Я чувствую, как из глаз катятся слезы — впервые за много лет. Я плачу беззвучно, содрогаясь всем телом. Моя гордость, мои планы, моё «я сама» — всё рассыпалось.

— Хорошо, — выдыхаю я сквозь рыдания. — Пусть...

пусть забирают. Но я найду её. Обещаю.

— Я знаю, что найдешь, — кивает Степановна, забирая у меня папку. — А теперь иди. Дядя Миша сделает вид, что ничего не видел. У тебя есть две недели, чтобы подготовить сестру. И саму себя.

Я выхожу из кабинета, пошатываясь. В коридорах «Усадьбы» всё та же тишина. Но теперь она другая. Это тишина поражения.

Я вернусь в свою общагу, завтра снова пойду таскать ящики в магазин. Буду копить каждую копейку. Буду учиться. Буду грызть этот мир зубами.

Глава 7. Горькая правда

Я стою перед дверью гостевой комнаты в детдоме и пытаюсь привести в порядок мысли. Мои руки, огрубевшие от ящиков в магазине Любки, пахнут хозяйственным мылом — я терла их минут десять, пытаясь вывести въевшийся запах гнилой моркови. На мне — моя лучшая (и единственная нормальная) белая футболка и джинсы, которые я вчера старательно отгладила утюгом в общаге.

Я чувствую себя самозванкой. Как будто я пришла на переговоры, не имея в кармане даже козырного туза, только пару засаленных шестерок и дикую наглость.

— Заходи уже, Волкова. Не дырявь дверь взглядом, — Тамара Степановна возникает за моей спиной, как вестник апокалипсиса.

Я вхожу. В гостевой комнате пахнет дорогим кофе и чем-то неуловимо уютным — так пахнут дома, в которых всегда есть свежий хлеб и теплые пледы. За круглым столом сидят они. Сафоновы.

Игорь Викторович — крепкий мужчина лет сорока пяти, в добротном джемпере, с мягкими, но уверенными чертами лица. Елена Сергеевна — тонкая, изящная, с каре и такими добрыми глазами, что мне на секунду хочется зашипеть, как бродячей кошке. На столе — красивая коробка пирожных.

— Здравствуйте, Радмила, — Елена первой поднимается

мне навстречу. Она не пытается меня обнять, за что ей отдельное спасибо, но её голос обволакивает, как мягкий мех.
— Мы очень хотели с вами познакомиться. Нам важно, чтобы вы знали — мы не хотим заменять Алине сестру. Мы хотим стать для неё семьей.

Я сажусь на край стула, выпрямив спину. Мои костяшки пальцев, белые от напряжения, лежат на коленях.

— Семья — это не только пирожные и красивые слова, — мой голос звучит резче, чем я планировала. — У неё сложный характер. Она часто болеет. Она привыкла, что я рядом. Вы справитесь? Или вернете её через месяц, когда она начнет капризничать?

Игорь Викторович смотрит на меня серьезно, без тени обиды.

— Мы осознаем ответственность, Радмила. Мы долго к этому шли. У нас большой дом, там Алине будет спокойно. У неё будет своя комната с видом на сад, лучшие врачи и учителя. Мы хотим дать ей то, чего она была лишена.

Я смотрю на его часы — неброские, но я знаю, сколько они стоят. Потом перевожу взгляд на свои руки. Грязь под ногтями всё равно осталась, как бы я её ни вычищала.

В этот момент в комнату заходит Алина. Она видит меня, и на её лице застывает странная смесь радости и вины. Она подходит к Елене, и та осторожно кладет руку ей на плечо.

Алина не отстраняется. Моё сердце пропускает удар, а потом начинает болеть — тупо, нудно, как старый перелом.

— Рада, — тихо говорит сестра.

Я вижу, как она смотрит на них. С надеждой. С тем самым обожанием, которое раньше принадлежало только мне. Она видит в них спасение. И, Боже мой, я не могу её винить.

Ведь что могу предложить ей я? Койку в общаге, где по ночам воют пьяные соседи? Ужин из доширака и вечный страх, что завтра нас вышвырнут на улицу? Я смотрю на Сафоновых — на их спокойные лица, на их уверенность в завтрашнем дне — и понимаю: я проиграла. Проиграла этой жизни по всем статьям.

— Подойди ко мне, малявка, — я маню её рукой.

Алина подходит, и я беру её ладошки в свои. Они такие нежные, теплые. Мои же пальцы — как наждак.

— Ты правда хочешь поехать с ними? — спрашиваю я, глядя ей прямо в глаза. — Только честно. Без вранья.

Алина закусывает губу, в её глазах стоят слезы.

— Рада... там так красиво. И тетя Лена сказала, что я смогу рисовать на настоящих холстах. И там... там не страшно спать ночью.

Я сглатываю ком в горле. Всё. Финита.

Я перевожу взгляд на Сафоновых. Теперь я смотрю на них не как на врагов, а как на инвесторов, которым я передаю

свой самый ценный актив.

Я снова поворачиваюсь к Алине и ухожу с ней из помещения.

— Слушай меня, — я сжимаю её плечи, перехожу на шепот — Езжай с ними. Живи в своем саду, рисуй свои картинки. Ешь за троих и забудь, как пахнет хлорка. Но помни: это не навсегда. Я тебя найду. Слышишь?

— Обещаешь? — Алина шмыгает носом, её лицо кривится от плача.

— Обещаю. Я — Лиса, помнишь? Я всегда нахожу дорогу домой. А мой дом - это ты.

Я встаю. В груди — пустота. Огромная, гулкая дыра. Кажется, если я сейчас закричу, эхо будет звучать вечно.

Я иду по коридору детдома, и мне кажется, что стены сжимаются, пытаясь раздавить меня напоследок. Я выхожу на крыльцо, в сырой октябрьский вечер. Ветер бьет в лицо, и я жадно хватаю воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Всё. Я осталась совсем одна. В этом огромном, холодном Светлоярске, где у власти стоят такие, как Северский, а такие, как я, должны знать свое место.

Иду в сторону общаги. Завтра — снова магазин, снова ящики, снова копеечная зарплата. Но теперь у меня есть не просто цель. У меня есть долг перед той маленькой девочкой, которую я только что отдала в чужие руки ради её же спасения.

Я справлюсь. Чего бы мне это ни стоило. Все мои чувства сгорели в той гостевой комнате вместе с коробкой дорогих пирожных. Теперь только расчет.

Глава 8. Прощание

Дождь сегодня не идет — он сочится сквозь серое небо, как гной из застарелой раны. Холодный, липкий, он превращает землю во дворе в серое месиво, которое чавкает под моими ботинками при каждом шаге. Я стою у старой железной качели, вцепившись пальцами в ледяную цепь, и смотрю на парадное крыльцо.

В кармане моей косухи — два свертка. Два простеньких кнопочных «кирпича», две симки, оформленные на какого-то левого мужика с рынка. Моя единственная страховка. Мой последний способ обмануть систему, которая сегодня решила откусить от меня половину.

Серебристый внедорожник Сафоновых уже припаркован у входа. Он выглядит здесь вызывающе чистым, как инородное тело в этом царстве хлорки и обшарпанных стен. Игорь и Елена стоят у багажника. Она что-то тихо говорит мужу, поправляя воротник своего кашемирового пальто. Они выглядят как люди, совершающие доброе дело. Они еще не знают, что для меня это дело — казнь.

Двери корпуса открываются. Степановна выводит Алину.

Моя сестра... она изменилась. На ней новое пальто цвета пыльной розы, белая шапочка, из-под которой выбиваются светлые пряди. В руках она прижимает того самого розового медведя. Она больше не похожа на детдомовскую замараш-

ку. Она выглядит как «домашний ребенок». И это бьет меня под дых сильнее, чем любая обида.

Я медленно иду к ним. Алина поднимает глаза.

В них нет той ярости, что была две недели назад. Нет криков, нет истерики. В них — только тихая, бездонная боль и вопрос, на который у меня нет ответа. Она смотрит на меня так, будто я — её единственный кислородный баллон, который сейчас принудительно отключают.

— Привет, малявка, — шепчу я, останавливаясь в шаге от неё.

Она не отвечает. Просто смотрит. Её губы чуть дрожат, а глаза подозрительно блестят, но она не плачет. Она слишком быстро повзрослела за это время.

— Подойди сюда, — я маню её за угол корпуса, подальше от внимательных глаз Сафоновых и Степановны.

Они позволяют нам это. Последние пять минут «свидания».

За углом, в тени старой акации, я хватаю её за руки. Они ледяные.

— Слушай меня очень внимательно, Алина. Времени мало.

Я лезу в карман и достаю маленькую серебряную подвеску — крошечную лисичку с изумрудным стекляшкой вместо глаза. Я купила её в ломбарде, отдав последние «заначные» деньги.

— Это тебе. Мой талисман. Носи всегда. Это наш знак. Пока она на тебе — я рядом. Поняла?

Алина берет кулон, сжимая его в кулаке так сильно, что костяшки белеют. Она молча кивает, глядя мне прямо в душу.

— И вот еще. Самое главное, — я быстро всовываю ей во второй карман пальто сверток с телефоном. — Это связь. Только наш номер. Включай только поздно вечером, когда они лягут спать. Прячь под подушкой.

— Рада... — её голос едва слышен, он похож на шорох сухой листвы. — Ты правда меня не бросаешь?

— Никогда, — я прижимаю её к себе, вдыхая запах нового пальто и чего-то сладкого, чем она теперь пахнет. Домом. Чужим домом. — Я выгрызу нам дорогу друг к другу. Клянусь тебе.

— Алиночка, пора, — голос Елены Сафоновой раздается из-за угла, мягкий и настойчивый, как шелк.

Я отстраняюсь. Алина смотрит на меня в последний раз — долгим, разрывающим сердце взглядом. В этом взгляде — наш короткий год в однушке с матерью, все наши годы в «Усадьбе», все мои драки за её еду.

Она разворачивается и идет к машине.

Я стою на месте, боясь пошевелиться. Кажется, если я сделаю хоть шаг, я сорвусь, брошусь к этому внедорожнику и начну бить стекла. Но я Лиса. Я должна быть хитрее.

Игорь открывает перед ней заднюю дверь. Алина садится, прижимая медведя к груди. Она не смотрит в окно. Она сидит неподвижно, глядя прямо перед собой.

Дверь захлопывается с глухим, дорогим звуком. Конец.

Машина медленно трогается, разбрызгивая грязь из-под колес. Я смотрю, как серебристый зад внедорожника удаляется к воротам.

И в этот момент я умираю.

Нет, сердце всё еще бьется — тяжело, глухо, как молот по наковальне. Но внутри всё выгорает до пепла. Тот стержень, который держал меня все эти двенадцать лет, ломается.

Машина выезжает за ворота и поворачивает направо, исчезая за серым зданием соседнего склада.

Я стою одна посреди пустого двора. Дождь усиливается, заливая мне глаза, стекая по лицу холодными струями. Я не вытираю их. Пусть думают, что это вода.

«Всё, — шепчет голос внутри. — Теперь ты совсем одна, Волкова. Ни дома, ни сестры, ни будущего».

Я чувствую, как меня начинает трясти. Мелкая, противная дрожь во всем теле. Я лезу в карман, нащупываю свой телефон — близнец того, что сейчас у Алины. Это моя последняя связь с миром живых.

Радмила, которая любила, сегодня уехала в той машине. А та, что осталась стоять под дождем, больше не знает жалости. К себе — в первую очередь.

— Я приеду за тобой, — шепчу я, оскалившись в пустоту.

Впереди — общага, гнилой магазин и долгие ночи ожидания первого звонка. Но я дождусь.

Глава 9. Обрыв

Каждое моё утро за последние семь дней начинается с одного и того же ритуала. Я открываю глаза в полумраке комнаты, где пахнет пылью и чужими снами, и первым делом шарю рукой под подушкой. Пальцы нащупывают дешевый ребристый пластик «кирпича». Я жму на центральную кнопку, щурясь от резкого света экрана.

Пусто. Ни звонков, ни смс.

Внутри всё стягивается в тугой, болезненный узел. Я не просто жду — я сама набираю её номер. В пятый, в десятый, в сотый раз. Прижимаю трубку к уху, затаив дыхание, и каждый раз натыкаюсь на ровный, бесстрастный голос автоответчика: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— Да включи ты его, Алина… — шепчу я в пустоту, сжимая телефон так, что пластик жалобно поскрипывает.

Паника накатывает ледяной волной. Что, если они нашли телефон? Что, если Сафонова залезла ей в карман и устроила скандал? Или Алина просто забыла его зарядить? Или — и это самое страшное — она сама решила его не включать?

Рабочий день в магазине проходит как в лихорадке. Я таскаю ящики с соком, принимаю товар, переругиваюсь с Любкой, но мысли мои за тысячи километров отсюда. Каждый раз, когда в кармане вибрирует мой собственный телефон,

я едва не роняю всё из рук. Но это лишь спам от оператора или напоминание о задолженности.

— Волкова! Ты чего застыла с этой капустой? — Любка хлопает ладонью по прилавку. — Иди витрину протри, там какой-то алкаш всё заляпал.

Я молча беру тряпку. Руки дрожат, в животе пустота, которую не залить никаким чаем. Я чувствую себя как радист в тонущем танке — сигналы уходят в никуда, а вода уже у самого горла.

Вечером, после очередной смены, я не иду в общагу. Ноги сами несут меня к привычному месту.

Кабинет Тамары Степановны встречает меня полумраком и густым облаком сигаретного дыма. Директриса выглядит так, будто не спала неделю.

— Снова ты, — она даже не поднимает головы. — Я же сказала, Радмила, контакты закрыты. Тайна усыновления — это не пустые слова.

— Она не выходит на связь, — я подхожу к столу, упираясь в него руками. Внутри всё клокочет от страха и ярости. — Я дала ей телефон. Она не включает его уже неделю. Что они с ней сделали? Куда они её увезли?

Степановна медленно поднимает взгляд. В её глазах — та самая «бетонная стена», о которую я бьюсь лбом с самого детства.

— Они имеют право, Рада. Первые месяцы — самые

сложные. Они могут ограничить её контакты, чтобы она привыкла к новому дому. По закону Сафоновы — её законные представители. А ты — посторонний человек.

— Посторонний? — я почти задыхаюсь от этого слова. — Мы двенадцать лет спали на соседних койках! Вы понимаете, что я сейчас чувствую?

— Понимаю, — сухо отрезает она. — Но помочь не могу. Статья сто тридцать девятая Семейного кодекса. Нарушу — вылечу с работы в три счета, а Алину Сафоновы увезут в неизвестном направлении. Ты этого хочешь?

Я молчу, сжимая зумы. Понимаю, что она не блефует. Она просто выполняет инструкции. Система сожрала мою сестру и даже не поперхнулась.

Выхожу на крыльцо, и ночной Светлоярск кажется мне огромным, равнодушным кладбищем. Огни реклам, шум машин — всё это кажется каким-то ненастоящим. Я одна. Совершенно, кристально, безнадежно одна против этой громадины из бетона и законов.

Вернувшись в общагу, я долго сижу на кровати, глядя на экран телефона. «Аппарат абонента выключен». Эти слова теперь будут сниться мне в кошмарах.

Отследить местоположение через мобильного оператора? Для этого нужно, чтобы связь была рабочей, а ее "аппарат выключен". Идти к ментам? У меня нет оснований для ее поиска, удочерили то официально.

Так я лихорадочно перебрала все варианты, включая

безумные. Час таких активных размышлений наталкивают меня на мысль, что самым надежным помощником в таком вопросе может стать только «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ». Чтобы достать Алину, мне нужно знать законы и правила. Нужно знать, как вскрыть эти архивы, не сев при этом в тюрьму. Но, работая в магазине и воруя мелочь у Любки, я никогда не поднимусь выше этой обшарпанной комнаты. Мне нужно льготное обучение. Нужно продержаться этот год, накопить на еду и учебники, и поступить на юрфак.

Я буду грызть этот гранит, пока у меня зубы не выпадут. Я узнаю всё о тайне усыновления, об опеке, о полномочиях администрации. Я стану частью этой системы, чтобы разрушить её изнутри и вернуть своё.

«Подожди, малявка, — шепчу я, закрывая глаза».

Сон приходит тяжелый, липкий. Мне снится, что я бегу за серебристой машиной, но мои ноги увязают в густом, черном мазуте, а Северский смотрит на меня из окна своего кабинета и медленно, брезгливо улыбается.

Глава 10. Последняя попытка

Ветер с реки сегодня такой, что кажется, он прошивает насквозь мою дешевую куртку и саму кожу. Я стою у зеркальных дверей Мэрии и в десятый раз поправляю воротник.

Я пришла сюда не просить. Я пришла требовать. Телефон Алины молчит уже несколько недель. Я больше не могу ждать. Если Степановна — это мелкая сошка, то Северский — это тот, кто может всё. Говорят, он курирует социалку и распределение фондов. Один его звонок — и мне дадут адрес. Один кивок — и опека вернет Алину под мой присмотр.

Внутри всё дрожит, но лицо я держу каменным. «Без принципов, Рада. Иди ва-банк». Я готова на все ради самого близкого человека на этом свете.

Я прохожу сквозь вертушку. Охранник, тот самый, что видел меня в прошлый раз, преграждает путь.

— Девушка, вы куда?

— У меня экстренная ситуация, — я смотрю ему прямо в глаза, стараясь придать голосу максимум официальности. — Я из аппарата губернатора, по вопросу проверки детских домов. Мне нужно передать документы Артему Даниловичу лично.

Охранник на секунду сомневается. Моя наглость — моё единственное оружие. Но он не дурак.

— Пропуск покажи. И удостоверение.

— Забыла в машине. Помощник сейчас принесет, а мне нужно срочно... — я пытаюсь проскользнуть мимо, но его тяжелая рука ложится мне на плечо. Сильно. Больно.

— Слышь, мелкая, ты за кого меня держишь? — он рывком разворачивает меня, окидывает меня взглядом с головы до ног. — Вали отсюда, пока полицию не вызвал. Видели мы таких «проверяющих».

— Пусти! — я дергаюсь, и меня вытаскивают на улицу, угрожая вызвать полицию. Я отхожу на парковку и остаюсь там стоять в тени большой машины. Через пару часов входные массивные двери открываются.

Снова он. Северский. Выходит в окружении двух помощников, на ходу просматривая какие-то документы. Тот же безупречный костюм, та же аура абсолютного превосходства.

— Артем Данилович! — кричу я, перекрывая шум улицы. — Артем Данилович, пожалуйста! По вопросу Волковой Алины!

Он замирает на секунду. Его голова медленно поворачивается в мою сторону. Темно-карие глаза смотрят на меня, и в них я вижу не просто брезгливость, а усталое раздражение. Будто он увидел навязчивое насекомое, которое уже второй раз мешает ему работать.

— Уберите её, — бросает он охраннику. Голос сухой, скупой на эмоции. — Здесь не вокзал.

— Артем Данилович, это касается закона о сиротах! Вы должны... — из ниоткуда появляется охранник, я пытаюсь вырваться, но второй охранник уже подхватывает меня под локоть.

— Пошла вон! — рявкает он мне в ухо.

Меня буквально выталкивают. Грубо, как мешок с мусором. Рюкзак отлетает в сторону.

Я слышу, как за моей спиной хлопают тяжелые двери. Слышу урчание мотора его черного авто. Сама сижу на холодном граните, упираясь руками о землю и чувствуя, как по разодранным ладоням течет кровь. В груди всё горит. Не от боли — от унижения. Он даже не выслушал. Для него я — никто. Мусор под ногами его идеальных туфель. Пыль, которую он приказал «убрать».

Я поднимаюсь, медленно, пошатываясь. Подбираю рюкзак. Колени дрожат, но я заставляю себя стоять прямо.

Ноги сами несут меня к мосту. Светлоярск вокруг сияет огнями, он красивый, богатый и абсолютно мертвый для таких, как я. Река Светлая под мостом кажется черной, маслянистой.

Я встаю у перил, глядя в бездну. Достаю из кармана ту самую папку из соцзащиты. Достаю выписку из детдома.

Я медленно разрываю папку. Листы летят вниз, кружась, как раненые птицы, и исчезают в темной воде.

Слезы медленно стекают по щекам и, смыкаясь на подбо-

родке, собираются в крупные соленые капли.

Всё. Старой Радмилы, которая верила, что можно «договориться», больше нет. Она сдохла там, на ступенях мэрии, под брезгливым взглядом Артема Даниловича.

Я не буду больше стучать в закрытые двери. Я научусь их вскрывать.

Я не буду просить помощи. Я стану сильной.

Я стану такой же ледяной, такой же расчетливой и такой же беспринципной. Я выучу твои законы, Северский, я изучу твои слабости. Я вырасту из этой грязи, в которую ты меня втоптал.

И тогда я приду за своей сестрой. И за тобой.

Я стою на мосту, чувствуя, как ветер высушивает слезы на моих щеках. Внутри больше нет боли. Только холодный, кристально чистый огонь.

Это конец моей старой жизни.

Глава 11. Студенческий голод

Вибрация смартфона на тумбочке вырвала меня из вязкого сна. Моё первое личное имущество, за кот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.